

Глава 1

Во дворе Намвонской тюрьмы росло громадное манговое дерево. Пушистые ветви простирались над растрескавшимся цементным полом и нависали над густой коричневой водой реки Чаттана. Женщины-заключённые большую часть времени проводили, спрятавшись под тенистой кроной, а по другую сторону тюремных ворот вверх, вниз и снова вверх по реке скользили лодки.

Около дюжины ребятишек, которые жили в Намвоне, тоже чаще всего лежали в тени. Но только не во время созревания плодов. В сезон манго на дереве, недоступные, покачивались золотые капли блаженства.

Они сводили детей с ума.

Дети орала на плоды манго. Они швыряли в них куски цемента и пытались сбить. А когда манго оставались висеть, дети рыдали, топали босыми ногами и в отчаянии катались по земле.

Понг никогда так не делал. Наоборот, он сидел возле дерева и закладывал руки за голову. Казалось, он спал, однако был полон внимания. Он знал, какой плод созреет первым. Он замечал, как цвет плода менялся: от зелёного, похожего на кожу ящерицы, до жёлтого, как у тыквы. Понг наблюдал, как муравьи карабкались по коре дерева, и отмечал, где они останавливались, привлечённые сладостью.

Понг взглянул на своего друга Сомкита и кивнул ему. Сомкит тоже не кричал на манго. Он сидел под той веткой, под которой его посадил Понг, и ждал. Сомкит сидел уже час и готов был ждать много дольше, потому что в Намвоне важнее всего было дожждаться манго.

И Сомкиту, и Понгу было по девять лет, и они были сиротами. Сомкит был ниже ростом, чем Понг, и очень тощий — тощий даже для заключённого. Лицо его было широкое и круглое, поэтому другие дети дразнили Сомкита жареным рисовым шариком на палочке. Такими шариками торговали старушечки с лодок.

Матери Сомкита и Понга попали в Намвон потому, что совершили кражу и попались. Обе умерли во время родов, хотя женщины в тюрьме рассказывали, что рождение Сомкита было более впечатляющим, его нога появилась там, где должна была появиться голова.

Понг поманил своего друга пальцем, сделав ему знак сдвинуться влево.

Ещё левее.

Ещё немного.

Вот здесь.

Наконец, после долгого ожидания, Понг услышал слабый треск черенка. Потом ахнул и улыбнулся: первое манго этого года упало прямо в руки Сомкита.

Но не успел Понг разделить с другом эту удачу, как две девочки более старшего возраста заметили, что находится у Сомкита в руках.

— Эй, ты видишь? — произнесла одна из них, приподнимаясь на острых локтях.

— Ну да, — ответила другая, сжимая ободранные кулачки. — Ты, Кожа-да-Кости, — обратилась она к Сомкиту, — что ты принесёшь мне сегодня?

— Ой-ой, — сказал Сомкит.

Одной рукой он прижал манго к себе, а на другую опёрся, чтобы встать.

В драке он был бесполезен, и это значило, что противники в первую очередь били его. Пробежав несколько шагов, он начинал кашлять, следовательно, драка обычно заканчивалась очень плохо.

Понг повернулся к стражницам, которые стояли, прислонившись к стене, и, кажется, скучали не меньше, чем заключённые.

— Извините меня, мэ, — поклонился Понг первой стражнице.

Она втянула воздух через стиснутые зубы, удивлённо подняв бровь.

— Мэм, эти девчонки, — сказал Понг, — мне кажется, они хотят отнять...

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — бросила женщина. — Вы должны сами решать свои детские дела.

Другая стражница фыркнула:

— Небольшая трёпка тебе не повредит. Станешь крепче.

В груди у Понга возникло ощущение чего-то горячего. Конечно, стража не будет помогать. Разве раньше они помогали? Понг взглянул на заключённых. Они смотрели пустыми, отрешёнными глазами. Какое-то паршивое манго их не интересовало.

Понг поспешил к своему другу. Девочки с угрожающим видом уже приближались к нему.

— Давай, залезай, — сказал Понг и опустил на одно колено.

— Что? — не понял Сомкит.

— Залезай же.

— Слушай, я же знаю, чем это кончится, — пробурчал Сомкит и, по-прежнему обнимая манго, залез на Понга.

Понг тоже это знал и ничего не мог поделать. Потому что, хотя он был самым наблюдательным и почти не уступал Сомкиту в умении ждать,

совершенно не мог сдерживать себя, столкнувшись с несправедливостью.

— Куда это ты направился? — спросила девочка с острыми локотками, направляясь к нему.

— Мы честно и без глупостей поймали это манго, — сказал Понг, делая несколько шагов назад с Сомкитом на спине.

— Да, вы, — ответила девочка. — И если вы отдадите его мне прямо сейчас, то я врежу каждому только по одному разу. Честно и без глупостей.

— Отдай ей, — сказал Сомкит, — оно не стоит...

— То, что ты хочешь его, не значит, что ты его заслужила, — твёрдо произнёс Понг. — И тебе его не отобрать.

— Неужели? — спросили девочки.

— О господи, — сказал Сомкит. — Начинается.

Девочки побежали, и Понг рванул. Девочки гнались за ним, а он мчался и мчался по двору, и Сомкит трясся у него на спине, как детёныш мартышки.

— Ты никогда не можешь просто уступить! — прокричал Сомкит.

— Нельзя... отдать им! — ответил Понг. — Манго наше!

Они пробежали мимо группы детей помладше, которые, не отрываясь, наблюдали за погоней. Малыши с облегчением осознавали, что угроза относится не к ним.

— И что? Манго не стоит того, чтобы тебя избивали! — Сомкит оглянулся назад. — Быстрее, друг, или они нас догонят.

Стражницы у стены смотрели на них и смеялись:

— Вперёд, девчонки! Хватайте их!

— Ещё не догнали, — сказала другая стражница. — Лучшее развлечение этой недели!

— Я... устал... — прохрипел Понг. — Ты лучше... съешь его... прежде, чем я упаду.

Сомкит вонзил зубы в спелый плод, и липкий сок потёк по шее Понга.

— Ох, дружище, я был неправ. За это можно быть избитым.

Сомкит протянул руку вперёд и засунул кусок манго в рот Понгу.

Плод был спелым и сладким и совсем не щипал язык.

Блаженство.

Глава 2

Позже, когда они лежали рядом возле ворот, ведущих к реке, Понг пытался напомнить Сомкиту, каким вкусным было это манго. Солнце садилось, и их жёлто-коричневые щёки и подбородки окрасились в лиловые цвета заката.

Сомкит дотронулся до поцарапанной щеки и поморщился:

— Ну почему мне досталось в друзья такое трепло?

Понг усмехнулся:

— Потому что больше никто не захотел с тобой дружить.

Сомкит дёрнул Понга за ухо.

— Ой! — отодвинулся Понг. — Знаешь ли, из нас двоих ты большее трепло, чем я.

— Но, как ты заметил, я держу рот закрытым перед стражей и вредными детьми, — сказал Сомкит. — Иногда приходится смириться, если не хочешь, чтобы из тебя сделали пюре. Но ты?

Ты никогда не понимаешь, когда следует заткнуться и отпустить.

— Я понимаю, — сказал Понг и согнул руку, укладывая на неё голову. — Но манго добыли мы. Это глупо, что мы должны ждать, пока плоды упадут. Стража должна позволить нам залезать на дерево. Они как будто хотят, чтобы мы дрались.

Понг положил два пальца на грудь.

— Такие штуки приводят меня в бешенство. У меня здесь словно что-то горит.

— Это газы, наверное, — ответил Сомкит. — Смотри, в следующем году этим дурам будет тринадцать, и их отсюда отправят. Тогда мы будем самые старшие и сможем спокойно есть манго.

Детей, рождённых в Намвоне, выпускали из тюрьмы, когда заканчивался срок их матерей или когда им исполнялось тринадцать лет, смотря что происходило раньше.

Но Понга не интересовало, когда выпустят девочек. В конце концов, это была ещё одна несправедливость — то, что девочки выйдут из тюрьмы раньше. Понгу и Сомкиту до тринадцатилетия оставалось четыре года. Четыре года. Почти вечность.

Понг отвернулся от Сомкита и через решётку ворот посмотрел на реку. Намвонская тюрьма была построена выше по реке, чем город Чаттана. Понгу едва-едва были видны городские огни, которые сейчас постепенно загорались: один за другим, а потом

уже светились целые тысячи. Наконец возникло целых два города: один на берегу, а второй в воде, и оба они были сделаны из света.

Обычно в это вечернее время они делились мечтами о той жизни, которая будет у них после выхода из тюрьмы: о еде, которую они попробуют, и о лодках, которые купят. У Сомкита будет не меньше трёх лодок: чтобы жить, чтобы ловить с них рыбу, а третьим будет скоростной катер со специально разработанным мотором, который нужен только для того, чтобы носиться по воде на безумной скорости. Понг любил воображать себя взрослым мужчиной с хорошей работой и сытым желудком, удобно развалившимся на катере, у руля которого сидел Сомкит.

С дерева свисала единственная светящаяся сфера. Её тусклый фиолетовый свет не мог конкурировать с огнями города. По сравнению с Чаттаной, Намвон был подобен пещере. Стоило ли удивляться тому, что жизнь была к ним несправедлива? Как справедливость могла найти путь в такой темноте? Но, когда они выйдут на свет, жизнь изменится. Им не придётся драться, чтобы съесть своё манго. И когда они попросят помощи, их услышат.

Сомкит застонал и повернулся на бок.

— Уф, у меня болит каждая косточка! Пообещай мне, что будешь вести себя тише воды, ниже травы. Хотя бы всю следующую неделю.

— Что будет на следующей неделе?

Сомкит закатил глаза и покачал головой.

— Ты сидишь и слушаешь, как зреет манго, но ты не слышишь, что говорят люди прямо перед тобой?! Ты не слышал, что сказала повариха? На следующей неделе с официальным визитом приезжает Правитель!

Понг, не обращая внимания на боль в рёбрах, резко сел.

— Правитель?

— Уверен, — облизнулся Сомкит, — что нас по этому случаю нормально накормят. Повариха говорила, что будет жарить цыплят.

Но Понг не мог думать о еде. Он думал о том, кто приедет. Большинство жителей Чаттаны очень любили Правителя. Как могло быть иначе, после всего, что он сделал для города? Этот человек был героем. Но для Понга он был больше, чем герой.

Понг только в учебнике видел его портрет, но даже по такой картинке он решил, что Правитель — это тот, кто сможет его понять. Он не отмахнётся от несправедливостей в Намвоне. Если он узнает, что здесь происходит, он всё изменит. Это тот самый человек, который делает мир справедливым.

Самая большая и секретная мечта Понга, о которой он не рассказывал даже Сомкиту, была служить великому лидеру Чаттаны. Понг воображал себя возле Правителя, в качестве его помощника или

советника, или на какой-то другой службе, подобающей взрослому человеку. Вместе с Правителем они могли бы сделать жизнь людей прекрасной.

То, что Правитель должен посетить Намвон, не могло быть случайным совпадением. Это был знак. Это был признак того, что мечта Понга сбывается.

— Эй, — сказал Сомкит и щёлкнул пальцами перед лицом Понга, — у тебя такое странное выражение лица, и оно мне не нравится. Слушай, обещай мне, что с этой секунды будешь держать рот закрытым, ладно?

Он наклонился ближе и выкатил глаза:

— Ладно?

Понг взглянул на город, где светящиеся точки слились в одно яркое пятно, и ответил:

— Ладно. Больше проблем не будет.

В тот момент это казалось вполне разумным обещанием.